

**О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА**

В конце XX – начале XXI в. российская наука отличается возросшим вниманием к исследованиям этнического фактора. Это объяснимо, так как в современном обществе его роль противоречиво возросла. Феномен этничности все более соотносится с социальными и политическими проблемами. Этничность, народ, нация стали средством социальной и политической стратегии и тактики. Противоречия в этнонауках (этим термином обозначим этнологию, этнополитологию, этносоциологию, этнопсихологию и др., изучающих различные аспекты этносов и этничности, в отличие от «этнонауки» как этнографического термина, обозначающего знания о мире, имевшие место в примитивных обществах), приводят к затруднениям в самих исследованиях, к трудностям понимания текстов, к двусмысленности выводов. На неразработанной теоретико-методологической основе не представляется возможным осуществление эффективной этнической политики в современной России.

Первая трудность этноисследований заключается в неопределенности понятий. Это касается прежде всего центральных понятий – этноса и нации. Неправильно было бы говорить о том, что нация и этнос отождествляются, так как отождествление – это логическая операция обнаружения равенства предмета другим предметам, находящаяся в единстве с логической операцией различения. Как правило, нация и этнос, национальное и этническое не отождествляются потому, что не различаются. Они смешиваются, что, в свою очередь, приводит к умножению сущностей и искажению смыслов. Именно это становится методологическим изъяном. Если речь идет об одном и том же, то не надо двух слов. Вместе с тем стало общепринятым рассуждать о нации в смысле этническом и нации в смысле гражданском, соответственно об этнонации и нации-государстве. «Ясно, что если речь идет об этническом составе населения, например нашей страны, то, естественно, говорится о

* *Фадеичева Марианна Альфредовна* – старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, доктор политических наук, доцент.

русских, татарах, якутах, башкирах, чувашах, калмыках и др., то есть о нациях-этнусах или этнонациях. Когда же имеется в виду государственное единство жителей России, независимо от этнической принадлежности, то нередко прибегают к термину «россияне», отражающему их общую гражданскую принадлежность... Мы понимаем под «национальным» не «этническое», а «государственное»¹.

Довольно часто не различаются «национально-этническая общность», «нация», «этно-национальные процессы», «национальное», «этнические структуры», «национальная самобытность». Замечено, что «специфика национального быта, складывающаяся под влиянием определенных факторов – природных, социальных, культурных, и прежде всего обобщенно, концентрированно – этнических традиций, составляет как бы фундамент структур повседневности»². В данном контексте, видимо, речь идет об этническом интересубъективном мире, об этнической самобытности человека. Решающая роль этнического в интересубъективном мире повседневности характерна для традиционных и моноэтнических обществ, в них этничность, этнические традиции действительно определяющие. В современных и пост-современных обществах можно выделить национальный интересубъективный мир, который характеризует иную, отличную от этнической, сторону бытия индивида, связанную не с природно-культурным, а с социально-политическим.

Считается, что «нет и не может быть государства без нации, без этнической ассоциации людей»³. Нельзя не согласиться с тем, что не может быть безлюдного государства. Но не каждый народ по сути является нацией. Не нация, а популяция представляет собой демографический ресурс государства. Популяция развивается и в этническом, и в гражданском отношении, она может стать на-

¹ *Тадевосян Э.В.* Этнонация: миф или реальность? // Социологические исследования, 1998. № 6. С. 62.

² *Мнацаканян М.О.* Интеграллизм, феноменология и национальный интересубъективный мир повседневности // Социологические исследования, 2000. № 3. С. 88.

³ *Мнацаканян М.О.* Интеграллизм и национальная общность как социальная реальность // Социологические исследования, 2001. № 3. С. 75.

цией при определенных условиях. Поэтому как раз не «этничность, этнические постоянные величины цементируют субстанциональную основу нации», а гражданство и гражданственность, единство гражданского общества и государства. Если же нация выводится из этнической основы, то это неизбежно приведет к теории и практике этнонационализма: одна земля – один народ – одно государство. Таким образом, из смешения национального и этнического проистекают этнонационалистические идеи.

Непонимание различных смыслов этнического и национального служит препятствием в изучении специфических этнических качеств и свойств. «Отметим, что не соответствует действительности утверждение, что все русские терпеливы, а другие народы, например американцы, – нетерпеливы. Речь идет о национальной мерке. Нетерпеливые встречаются как среди американцев, так и среди русских»¹. Здесь «этнонация», вернее этнос – русские сравнивается с «государственной нацией», вернее нацией – американцами. Однако существует точка зрения, согласно которой «американцы – это не нация, это жители Соединенных Штатов Америки, государства, существующего уже более двухсот лет и объединившего в своем составе представителей многих этнических общностей, у которых сформировались общие для всех них психологические характеристики»². Если справедливо говорить об этнических русских, отличая их от россиян как всех граждан РФ, то это не вполне можно отнести к американцам. Предками современных американцев – нынешних граждан США, как известно, были выходцы приблизительно из 40 стран, причем полиэтнических по своему населению. США до настоящего времени служат несколько противоречивым, но все же примером формирования гражданской нации на полиэтнической основе.

Неопределенность понятий этноса и нации касается не только «международных отношений», но и отношений внутри Российской Федерации. В научных текстах речь может идти о «национальностях», «этнотах», «национальных группах населения региона», «национальном составе населения», о «полиэтническом насе-

¹ Джунусов М.С. О мере своеобразия национальных культур // Социологические исследования, 2002. № 5. С. 127.

² Крысько В.Г. Этническая психология. М., 2002. С. 192.

лении» и т.д. Например, «согласно материалам первой (1897 г.) переписи населения региона (в пределах Иркутской губернии и Забайкальской области) упоминались более 40 национальностей. Основную часть населения составляли представители трех этносов: русские (68,9%), буряты (24,3%) и эвенки (3,6%)». Обнаружено, что «к концу XX в. в Бурятии сложилась этносоциальная структура, в которой более 2/3 составляли русские, а более 1/4 – буряты», и население республики оценивается как полиэтническое¹. Однако Бурятия в постсоветской России рассматривается как «национальная» республика, вместе с этим возникает вопрос: национальная – это какая: русская или бурятская? Национальная по более многочисленному этносу или по менее численному титульному этносу? На этот вопрос истинного ответа не может быть в принципе, так как предпосылки его неистинны.

Смещение этнического и национального затрудняет исследование проблем этнической идентичности. Проблема этнической идентичности особенно проявляется в обществах, в которых происходит интенсивная кроссетническая коммуникация. Справедливо замечено, что «в полиэтнических регионах ... взаимодействуют культуры разных этносов и происходит, с одной стороны, сближение представителей данных культур, а с другой, у некоторых из них наблюдается утрата этнической идентификации»². Однако далее говорится об «угрозе утраты национальной идентичности представителей тех или иных этносов». Следовало бы различать этническую и национальную идентичность. Этническая идентичность – принадлежность субъекта к этнической общности. Этническая идентификация – процесс определения, установления этнической идентичности неким субъектом. Этническая самоидентификация – это установление индивидом своей этнической принадлежности. Определяя и указывая свою «национальность», точнее – этническую принадлежность, индивид осуществляет свой свободный выбор, не лишенный объективных оснований. Эти основания – индикаторы этничности или этнодифференцирующие признаки. Инди-

¹ *Затеев В.И., Хараев Б.В.* Демографические аспекты этносоциальной структуры Бурятии // Социологические исследования, 2002. № 5. С. 115.

² *Хайруллина Н.Г.* Грани этнической идентификации // Социологические исследования, 2002. № 5. С. 121.

вид определяет этническую принадлежность по своему усмотрению: либо по родному (материнскому) языку, либо по происхождению (по этнической принадлежности родителей или одного из них). Как отмечают Ф.С.Файзуллин и А.Я.Зарипов: «Индикаторы идентификации в каждом отдельном случае весьма специфичны. Они зависят от ряда факторов, но самый важный из них – выбор самого индивида»¹.

Однако индикаторы этничности представляются универсальными, что обусловлено традиционным пониманием признаков этноса: территория, происхождение, язык, культура. Социальные и политические условия, в которых происходит процесс этнической самоидентификации, действительно специфичны. В разных условиях один и тот же индивид может по-разному себя этноидентифицировать в зависимости от этнополитической конъюнктуры. Считается, что однородная этническая среда способствует быстрому формированию признаков, влияющих на осознанное отнесение к определенной этнической группе, что инонациональная среда требует более тщательного подхода к выбору индикаторов при идентификации. Было бы более корректно вместо «инонациональной среды» говорить о неоднородной этнической среде, сравнивая ее с однородной этнической средой. Кроме того, именно однородная этническая среда в традиционных обществах формирует не подлежащую сомнению и не требующую рефлексии *нейтральную этничность*, – жизнеопределяющей и смыслообразующей для индивида является связь с жилой местностью. Этничность, существующую как данность, констатируемую как факт, в моноэтнической среде, а также в полиэтнической среде современных обществ, можно обозначить как *нормальную этничность*. Разнородная этническая среда в нестабильных постсовременных обществах порождает *утрированную этничность*, появляющуюся в ходе сравнения-различения с иноэтническими индивидами. Утрированная этничность означает представление о том, что единственная неизменная ценность – это принадлежность к примордиальной (исконной) общности, что этнос есть высшая ценность и интересы этноса первичны.

¹ Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я. Грани этнической идентификации // Социологические исследования, 1997. № 8. С.41.

Различение этнической и национальной принадлежности позволит снять целый ряд этнополитических противоречий и теоретических неувязок, что будет способствовать проведению взвешенной этнической политики, учитывающей потребности этнического индивида, уважающей этнические чувства; обеспечению на практике прав и свобод граждан, независимо от этнической принадлежности. Четкое различение этнического и национального в теории будет способствовать упразднению этнонационалистических установок обыденного сознания, присутствующих не только в бытии повседневности, но и в политической практике в виде лозунгов: «Россия – для русских», «Башкирия – для башкир» и прочих подобных. Так, например, неправомерно башкир, русских, татар называть то «представителями основных этносов республики», то «представителями основных наций». Имеет смысл различение башкир, русских, татар и других в качестве этносов и объединение их в качестве россиян.

Национальную идентичность следует соотносить не с «национальностью», понимаемой в этническом смысле, а с гражданством и принадлежностью к нации. В настоящее время в России идет сложный процесс формирования российской идентичности. Он связан с противоречивым процессом становления российской нации на базе полиэтнического населения в условиях развития гражданского общества.

Еще один вопрос, в котором проявляется смешение этнического и национального – это вопрос об этническом самосознании. Часто оно не отделяется от национального самосознания. Можно согласиться с В.Ю.Хотинцем, что «этническое самосознание есть относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков жизнедеятельности этноса»¹, к которым обычно относят этноним; происхождение и историческое прошлое членов этноса; этническую территорию; язык; религию; культуру; экономику (точнее, традиционные занятия населения); этничность

¹ Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая идентификация и этническое самосознание // Социологические исследования, 1999. № 9. С. 69.

носителей в качестве антропологических и психологических особенностей членов этноса.

Для национального самосознания требуется иное определение и выделение иных, национальных признаков, им отражаемых. Национальное самосознание можно определить как некую рефлексивную, относительно устойчивую систему осознанных представлений и оценок реально существующих нациеобразующих признаков и факторов, к которым можно отнести, в частности, наименование государства и соответствующий «политоним» (термин Ю.В. Бромлея); территорию государства; единую экономическую систему; государственный язык, служащий также языком кроссэтнической коммуникации; гражданство; обеспечение государством прав и свобод граждан; лояльность граждан; наличие институтов гражданского общества; совпадение интересов гражданского общества и государства; представление национального интереса в мировом сообществе.

Изучая этнические стереотипы русских, Е.Б. Шестопап, Г.О. Брицкий, М.В. Денисенко пришли к выводу, что «в российской политической культуре, которая издавна была государствоцентричной, сегодня при подорванном государстве, дискредитированных властях, партиях и лидерах, по сути, нет иных институтов, кроме нации (в этническом смысле), которым по плечу эта функция»¹ – функция психологической защиты личности. В постсовременном обществе с социальной нестабильностью, с увеличением количества субкультур и увеличением скорости изменения ценностей и норм «нация в этническом смысле», этнос как примордиальная общность способен выполнить компенсаторную функцию.

Любое небрежное употребление понятий нация и этнос «через запятую» вольно или невольно подпитывает современный этнонационализм. Было бы теоретически корректным и практически продуктивным различение этноса и нации, этнического и национального как природно-культурного и социально-политического. Этнос может быть определен как некоторое количество людей, имеющих черты сходства во внешнем виде, языке и образе жизни.

¹ Шестопап Е.Б., Брицкий Г.О., Денисенко М.В. Этнические стереотипы русских // Социологические исследования, 1999. № 4. С. 67.

Условиями сходства выступает природа внутренняя (генетически наследуемые соматические черты при всем их многообразии) и природа внешняя (территория, ландшафт, климат). *Нация* может быть представлена в качестве социально-политического единства, предполагающего взаимодействие гражданского общества и государства, которое координирует и гармонизирует интересы народа – населяющих его территорию людей, независимо от их этнической принадлежности.

Пункт 1 ст. 13 Конституции Российской Федерации декларирует: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие». Пункт 2 той же статьи продолжает: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹. В связи с этим в гуманитарных и социальных науках прежде чем определять методологические основания исследования, необходимо выявить идеологические его основания. Идеология оказывается первичной по отношению к методологии исследования. Содержание понятий и смысл текстов происходят из системы ценностей исследователя. Исследователь сам должен быть исследован. Что хочет обнаружить представитель этнонаук, что он хочет изучить, какова гипотеза, подтверждение которой он ищет, – все это зависит от его ценностной ориентации и мировоззренческой позиции. Наука не просто отражает реальность, но и в некотором роде формирует, создает ее. Чем меньше господство официальной идеологии, тем больше ответственность науки и конкретного исследователя. Этноученый не может быть похож на энтомолога, абсолютно не принадлежащего к изучаемым им объектам, он работает в социальной реальности, а не в интеллектуальной инсектарии, в который, как инсектов, помещает этносы. Изучая социальную реальность, он влияет на нее, вместе с тем испытывая на себе ее влияние.

Известно, например, что в социологических исследованиях многое зависит от постановки вопроса. Вопрос может быть сформулирован так, чтобы подсказать респонденту нужный ответ. Вольно или невольно исследователь придает вопросу позитивную либо негативную коннотацию. Некоторые вопросы могут не выяв-

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1996. С. 8.

лять, а провоцировать этнонационализм и интолерантность. Так, в исследованиях Российского независимого института социальных и национальных проблем (1997 г.) респондентам был задан открытый вопрос «К людям какой национальности россияне испытывают чувства наибольшей антипатии?» Респонденты старались. 14% молодежи и 13,4% представителей старшего поколения ответили соответственно: к кавказцам – 12,4%, к чеченцам – 17,8%; 7,4 и 6,2% – к евреям; 5,1 и 4,4% – к азербайджанцам; 4 и 2,3% – к армянам¹. В ответах (как и в постановке вопроса) наблюдалось, во-первых, что россияне в целом непременно испытывают чувства антипатии к людям какой-либо национальности (этнической принадлежности); во-вторых, под россиянами подразумевается кто угодно, но только не кавказцы, не чеченцы, не евреи, не азербайджанцы, не армяне. Как будто представители вышеперечисленных этносов ни в коем случае не могут быть россиянами – гражданами РФ.

Исследуя этнические стереотипы русских, Е.Б.Шестопа, Г.О. Брицкий, М.В. Денисенко, исходили из широко распространенного представления, что все автостереотипы – «совокупные представления о народе, к которому принадлежит данный индивид», исключительно положительные, а все гетеростереотипы – «расхожие мнения о других этносах» – всегда отрицательные, и к чужим народам все относятся весьма враждебно. Однако само это представление имеет сходство с предубеждениями, бытующими в анекдотах. Изучается, в какой степени эта враждебность распространяется на частную сферу (дружбу, соседство, супружество). Характерен выбор объектов враждебного отношения. «Из этнофоров, вызывающих наибольшие эмоциональные отклики, были выбраны еврей (традиционный объект этноцентрических установок), чеченец (объект самых острых национальных чувств последнего времени), негр (объект, наиболее редко ощущаемый в непосредственных контактах)»². Согласно результатам исследования, из 60 случаев «выборки, основанной на принципах качественной методологии», 20 человек согласились бы иметь супруга негра, чеченца

¹ Цит. по: Хунагов Р.Д., Шадже А.Ю. Кавказский фактор в современной России // Социологические исследования, 2001. № 3. С. 78.

² Шестопа Е.Б., Брицкий Г.О., Денисенко М.В. Указ. соч. ... С. 64.

или еврея, а 30 человек не возражали бы дружить с ними и поддерживать соседские отношения. Авторы исследования пришли к выводу, что для многонациональной страны, население которой «прилично метисизировано», эти данные – признак его изрядной фрустрированности по поводу этногрупп. Если считать правомерной экстраполяцию этих выводов на все полиэтническое население страны, то вряд ли будет мало или плохо, если одна его треть согласна вступить в брак с евреями, чеченцами или неграми, а полстраны будет соседствовать и дружить с ними. Скорее всего, указанная закономерность выбора партнеров в приватной сфере касается не только указанных пугающих «этнофоров», но и любого представителя «своего» этноса. Например, логично предположить, что толерантным респондент может быть к русскому соседу-алкоголику, задумается в отношении русского друга-алкоголика и будет определено осторожно в выборе русского супруга-алкоголика.

В 1997–1998 гг. Центр социальной демографии ИСПИ РАН изучал происходящие в стране ассимиляционные процессы и связанную с ними «национальную» (в контексте различия этнического и национального – этническую) самоидентификацию населения. «Исследование этнического происхождения и участия в межэтническом обмене осуществлялось на основе выделения гомогенных, гетерогенных и этнически неопределенных респондентов»¹. Авторы поясняют, что гомогенные – это однородные, или «чистые», или рафинированные. В примечании говорится, что «использование этих терминов исключает иное их толкование, кроме научного». Тем хуже для науки. Ибо рафинированный, как известно, – это очищенный; рафинировать – очищать от посторонних примесей. Гетерогенные – это неоднородные, смешанные, нерафинированные. Деление респондентов по их этнической принадлежности на «чистых» и «нечистых» ставит под сомнение суждение, с которым нельзя не согласиться: «Сейчас уже ясно, что государственное устройство, формирующееся по этническому принципу, не соответствует современным требованиям демократии, провозгла-

¹ Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П., Харланова Н.Н. Этнический фундамент населения России // Социологические исследования, 2001. № 4. С. 87.

шающей первичность прав гражданина по сравнению с правами социальной, этнической и любой другой групп»¹.

Этноисследования разных направлений в целом находятся в рамках социоцентризма – мировоззренческой установки, которая отдает безусловный приоритет социуму. Социоцентризм конкретизируется в форме этноцентризма. Причем под этноцентризмом следует понимать не только предпочтение своего этноса и ориентацию субъекта на свою этническую общность, с которой он связывает некие экспектации. Этноцентризм – это мировоззренческая позиция и исследовательская парадигма, которая в центр исследования ставит этнос вообще; отдает предпочтение этносу как таковому по сравнению с отдельным человеком, этническим индивидом; рассматривает и объясняет индивида через призму общности, в данном аспекте этнической; все индивидуальное сводит к этническому; права и свободы такой подход приписывает этнической общности, а не индивиду; этническое превращает в универсальное объяснение. Социоцентрические установки преимущественно сохраняются в современных этноисследованиях и этнополитических практиках, только вместо «класса», «трудящихся масс» объектом теоретических спекуляций и практических манипуляций становятся «этносы».

Этноцентризм игнорирует этнического индивида, заключает его в своеобразный этнический квадрат: этнос – общность, этнос – целое, этнос – количество, этнос – «мы». В рамках этноцентрической ценностной ориентации происходит рассмотрение *этноса как целого*, в котором все – как один, без различного отношения к отдельному человеку, индивиду. Кроме того, этноцентризм проявляет себя в представлении *этноса как общности*, объединенной неким кровным и духовным единством: общность происхождения, чувство общности исторической судьбы. Представление об этносе как общности представлено в сталинской трактовке: «Нация – это, прежде всего, общность, определенная общность людей»². Этноцентризм проявляется в *абсолютизации количественной характеристики этноса*, ее использовании в качестве решающего аргумента. Так, В.Н. Подопригора и Т.И. Краснопевцева считают, что со-

¹ Рыбаковский Л.Л. и др. Указ. соч. ... С. 86.

² Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. В 2 т. М., 1951. С. 292.

гласно данным переписи населения 1989 г., «сейчас мы проживаем в почти моноэтническом государстве, где русские составляют 81,5% населения (против 50% в СССР), а доля других народов несоизмеримо меньше. Так, например, следующий по величине этнос – татары – составляет лишь 3,5% всего населения России»¹. С точки зрения количественного подхода к этносу, не существенно, что эти 3,5% составляют по оценкам 1999 г. 5 820 900 человек, а остальные 15% «нерусского» населения составляют 22 664 100 человек². Привычка считать не людей, а проценты в этнических вопросах, приводит к тому, что величину путают с величиим.

Этноцентризм проявляется и в традиционном рассмотрении этноса и функционирующего этнического сознания в *противопоставлении «мы – они»*. Изначально в первобытных обществах это было противопоставлением не другим этносам: мы-люди, а они – не люди, но природе, например, мы – люди, а они – не люди, тюлени и другие звери. В постсовременных массовых обществах, где индивид, социальный атом представляет собой Я, оппозиция «мы – они» в этническом отношении представляется несколько архаичной.

Этноцентризм воспроизводит ряд устаревших предубеждений. В частности, в изучении отношения русских с другими народами сохраняется представление о том, что русские были господствовавшим этносом. «До 1917 года Российская империя, а вместе с нею и русские, как господствовавший этнос, не воспринимался внешним миром как нечто отрицательное»³. Также и российская социал-демократия полагала, что великороссы – «господствующая нация», что Россия до 1917 года – многонациональное буржуазное государство, состоящее «из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных»⁴. Партия считала, что пережитки великодержавного шовинизма «являются отражением было-

¹ Подопригора В.Н., Краснопецева Т.И. Русский вопрос в современной России // Вопросы философии, 1995. № 6. С. 72.

² Богоявленский Д.Д. Этнический состав населения России // Социологические исследования, 2001. № 10. С. 91,93.

³ Подопригора В.Н., Краснопецева Т.И. Указ. раб. ... С. 67.

⁴ Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Постановление X съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. I. С. 554.

го привилегированного положения великороссов» и становятся «попыткой закрепить господство великорусской национальности». Великороссы в качестве господствующей нации или господствующей национальности, иначе говоря, русские как господствовавший этнос, могут быть представлены только с позиций идеологии большевизма. Достаточно вспомнить, что привилегированные, неподатные сословия, к которым относились дворяне и духовенство, по переписи 1897 г. составляли соответственно 1,5% и 0,5% от всего населения Российской империи; вместе лишь 2%. Остальные – податные сословия (в том числе крестьяне и мещане составляли соответственно 77,1% и 10,6% безотносительно «национальности») не имели привилегий. «Хищническое великорусское кулачество» насчитывало 1,4% от всего крестьянства. Таким образом, русские как господствовавший этнос – не что иное, как одна из старых мифологем, отчасти сохраняющаяся в настоящее время.

Социоцентрический подход к этносу может обеспечить решение довольно узкого круга этнических проблем в тесных рамках сиюминутного политического интереса. Вместе с тем социоцентрический подход невозможно и ненужно отрицать абсолютно, так как он имеет историческое оправдание и методологическое основание. В современных условиях он представляется ограниченным и в связи с преодолением этой ограниченности должен быть дополнен антропоцентрическим подходом. В центр этноисследований целесообразно поместить этнического индивида – отдельного человека с этнически обусловленными и индивидуально выраженными чертами.

Современные отечественные этнонауки во многом продолжают использовать неопределенные понятия и опираются на устаревшие ценности. Смещение этноса и нации, этнического и национального закономерно заводит в теоретические дебри и практический тупик этнонационализма. Более продуктивно разделить *этническое как природно-культурное и национальное как социально-политическое*.

В основе социальных противоречий современного мира лежит противоречие двух контрарных систем ценностей – социоцентрической и антропоцентрической. В постсоветской России происходит смена системы ценностей и смена исследовательской парадигмы в гуманитарных и социальных науках: постепенно осуществ-

вляется переход от социотризма к антропоцентризму. Общество и наука рано или поздно будут вынуждены отказаться от доставшегося в наследство советского этнонационализма и поставить в центр социальной заботы и научного внимания отдельного человека, этнического индивида и гражданина. Соответственно в центре этнических исследований окажутся не этносы как таковые, а этнические индивиды во всем многообразии их индивидуального бытия. Чем скорее это произойдет, тем больше возможностей возникнет в отношении минимизации этнических конфликтов, гармонизации кроссэтнической коммуникации, осуществления рациональной и эффективной этнической политики, развития полиэтнической российской нации.